

Исследования по теории культуры

УДК 308

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-176-196

«Предоставить тексту просто быть...»: методологические принципы исследования эго-документов в работах Н.Н. Козловой

Нарине В. Арутюнян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, narine@webdizi.ru*

Аннотация. В статье обсуждается исследовательский опыт изучения эго-документов Н.Н. Козловой. Она исследовала дневники и мемуары рядовых советских людей, которые были собраны в документальном центре «Народный архив», на основе которых создавала тексты – биографические нарративы. Теоретическая и методологическая позиция исследовательницы рассматривается в контексте истории общественных и гуманитарных наук в 1990-х гг., в частности в контексте осмысления советского прошлого и советского человека. Особенности подхода исследовательницы интерпретируются как эмпирические; обращение и интерес к эго-документу трактуется как попытка создания опытного знания. Рассматривается проблема разрыва между абстрактной теорией и эмпирическими данными в гуманитарной науке. Делается попытка продемонстрировать зависимость метода и выбора терминологии от этических и ценностных убеждений исследователя. На основе изучения научного наследия Н.Н. Козловой выделяются такие методологические основания изучения эго-документов, остающиеся актуальными для современного исследователя эго-документов: рефлексивная обеспокоенность, эмпирическая установка на доверие голосу изучаемого объекта, утверждение ценности частной жизни, междисциплинарная открытость и плюрализм. Особое внимание уделяется выражению этих принципов в том, как строятся тексты Н.Н. Козловой, например соотношению в них цитат из источника и рассказа ученого.

Ключевые слова: Н.Н. Козлова, история и методология науки, эго-документы, советский человек, история и социология повседневности, метод биографического нарратива

Для цитирования: Арутюнян Н.В. «Предоставить тексту просто быть...»: методологические принципы исследования эго-документов в работах Н.Н. Козловой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 176–196. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-176-196

© Арутюнян Н.В., 2019

“Let the text just be...”:
methodological principles of research
of ego-documents in the works of N.N. Kozlova

Narine V. Arutiunyan

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, narine@webdizi.ru*

Abstract. The paper presents N.N. Kozlova's research experience of the study of ego-documents, who worked with diaries and memoirs of the ordinary Soviet people considered as mass and created biographical narratives. These documents were kept at the documentary center 'Folk archive'. The theoretical and methodological position of the researcher is considered in the context of the history of social and human sciences in the 1990s, as well in the context of understanding the Soviet society and Soviet people. The particularities of the researcher's approach are interpreted as empirical; growing interest in the ego-documents is interpreted as an attempt to create experienced knowledge. It is considered the problem of the gap between abstract theory and empirical data in the humanities. An attempt is made to demonstrate the dependence of the method and the choice of terminology on the ethical beliefs of the researcher. As result of studying the scientific heritage of N.N. Kozlova I extract the set of methodological principles of the studying of ego-documents which are relevant for a contemporary researcher: the concern of reflectivity, the empirical attitude to the object, asserting the value of private life, interdisciplinary openness and pluralism. Particular attention is paid to how Kozlova's biographical texts express these principles, for example, in relationship between quotations from sources and narrative of researcher.

Keywords: history and methodology of science, ego-documents, soviet man, history and sociology of everyday life, biographical research, history of experience

For citation: Arutiunyan, N.V. (2019), “ ‘Let the text just be...’: methodological principles of research of ego-documents in the works of N.N. Kozlova”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no 8, pp. 176-196, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-176-196

Чтобы узнать человечество,
надо изучить человека.

Артур Конан Дойл

Введение

Интерес к прожитому, жизненному опыту не только примечательных, но и ничем не примечательных людей не ослабевает среди ученых, относящих себя к различным направлениям социогуманитарного знания. Переосмысление значимости и масштабов того, что нужно и можно изучать в науках о человеке, принесло обильные плоды в историографии изучения советской культуры, общества и человека в ряде дисциплин [Орлов 2010]. Этот поворот к жизненному миру человека выразился в изменении отношения к свидетельствам отдельных людей о своей жизни как к способным конкурировать с официальными документами, обычно государственными.

Возведение такого рода источников в ранг документов, повышение их статуса и придание им особой ценности свидетельствовали об изменении познавательных установок исследователей общества и истории. Появилось осознание того, что «выбор исторического материала свидетельствует о типе зрения (видения) исследователя» [Козлова 2001, с. 145]. Ряд научно-исследовательских программ стал основываться на поиске источников, содержащих следы жизненного опыта конкретных людей: в первую очередь микроистория и изучение повседневности в рамках различных дисциплин. Этот сдвиг можно охарактеризовать с методологической точки зрения как эмпирический, как движение к опыту, в том числе к опыту маленького человека.

Одним из первых ученых, кто в начале 1990-х гг. отстаивал обращение к «человеческому свидетельству» как к источнику не менее ценному чем, например, статистика, была Наталья Никитична Козлова. Исследовательница советского общества, она работала в рамках социологии, а если быть точнее, социальной антропологии. На основе своей работы с архивами советских людей она выработала достаточно внятную методологическую и теоретическую позицию. Эта позиция, как я надеюсь показать, может стать актуальной и поучительной и для современного исследователя, сохранившего интерес к жизненному миру человека. Свидетельства жизненного мира отдельного человека собираются, классифицируются и, по сути, создаются в медиатизированной среде, что требует от современного исследователя навыков работы с разными типами и видами текстов, учета их

производства, создания и потребления, понимания их мульти-модальной сущности¹.

Н.Н. Козлова работала с эго-документами еще до того, как это обозначение появилось в лексиконе российских исследователей [Зарецкий 2008], не использовала она и термин «источник личного происхождения», принадлежащий к источниковедческой традиции российской историографии [История 2014]. Она предпочитала пользоваться такими понятиями, как «человеческие документы» или «документы жизни». Они обозначали не только дневники, мемуары и письма, но и записные книжки, удостоверения, билеты в театр, винные этикетки, вырезки из газет, фотографии любимых артистов – любые материальные обрывки жизни, свидетельства быта, которые по той или иной причине собирал и хранил их владелец. Именно такие документы «простых советских людей» собирались архивистами Историко-архивного института в 1990-е гг. в созданном ими «Народном архиве»², который можно считать предтечей современных форм фиксации и сохранения частного опыта в различных медиапроектах³.

Встреча Н.Н. Козловой с документами этого архива оказалась удивительно плодотворной, как встреча теоретика с материальностью реальности, которую тщетно пытается подчинить теоретический дискурс. Это обращение к опыту «маленького человека» поставило исследователя, работавшего в рамках социологии, перед необходимостью соизмерять макрорасказы ученых и частные рассказы о себе «маленьких людей».

Все это выразилось в ряде статей Н.Н. Козловой, в которых отстаивались ценность и необходимость обращения к эго-документам в рамках спора о количественных и качественных методах исследования и критики классической социологии, а также представлений о том, что считать объективным, научным и познавательно ценным. Отстаивая легитимность частного, единичного свидетельства и методологическую необходимость прислушиваться к голосу «ма-

---

¹См.: проект Устная история [Электронный ресурс]. URL: <http://oralhistory.ru/> (дата обращения 28 августа 2019). Создаваемые интервью изначально производятся как минимум в трех форматах (аудио, видео и текст), а также потребляются на разных площадках и в разных условиях.

²См.: *Илизаров Б.С.* О центре документации «Народный архив» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nffedorov.ru/na-nca/na/na.html> (дата обращения 28 августа 2019).

³Например, см.: Прожито [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения 28 августа 2019); Прагмема [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pragmeма.ru> (дата обращения 28 августа 2019).

ленького человека», она сформировала этическую и рефлексивную позицию, которая позволяла претендовать на новое понимание научной честности и ответственности. Артикуляция этой позиции в контексте постсоветского состояния гуманитарных и социальных наук была тесно связана с выработкой теоретических и методологических оснований-принципов исследования советского общества и культуры через призму частного опыта.

Наследию Н.Н. Козловой посвящено несколько статей [Фети-сов 2003, Бражникова, Росляков, Логинов 2016].

Цель этой статьи – представить принципы исследования эго-документов, сформулированных на основе исследовательского опыта Н.Н. Козловой. О них невозможно адекватно говорить без учета контекста возникновения потребности обращения к частному опыту советского человека и появления такого типа постсоветского исследователя. Мне представляется важным обсудить, как формировалась исследовательская позиция Н.Н. Козловой, почему было потрачено столько труда на медленное скрупулезное чтение «человеческих документов» и усилий на то, чтобы методологически и теоретически оправдать необходимость исследователю общества прислушаться к «человеку-совку», или к «человеку-массе», о котором спорили в 1990-х гг.

*Новое отношение исследователя
к частному свидетельству
в контексте осмысления советского прошлого*

Тексты Н.Н. Козловой могут рассматриваться как симптоматичные в условиях драматичного разрыва и отстранения от советского прошлого. Отсутствие дистанции, не позволяющей относительно спокойно объяснять прошлое, не занимая позиции судьи, было довольно сложной задачей. С другой стороны, могло показаться, что все и так понятно и известно, ведь еще вчера исследовательница была частью этого прошлого. Ощущение причастности искушало быть доброжелательным судьей, нацеленным на оправдательный приговор. Н.Н. Козлова описывала свою причастность к советской культуре и вытекающие из нее преимущества и опасности для исследователя с помощью понятия «габитус»:

Как сказал где-то П. Бурдьё, надо пользоваться преимуществами своего габитуса... Здесь способ перейти с точки зрения разума диктующего на точку зрения разума понимающего. Ведь психологиче-ски трудно счесть «себя любимого» принадлежностью «советского

зверинца»: как-никак ты провел там большую часть единственной и неповторимой жизни. Метафору зверинца легко употребляет тот, кто питает иллюзию неучастия в воспроизводстве правил жизни советского общества. Можно только позавидовать им, легко представляющим себя наблюдателями, стоявшими в стороне от общих практик. Поставить себя в один ряд с другими – хороший способ избежать суждения с привилегированной позиции: я лучше туземца знаю, кто он такой [Козлова 2005, с. 17].

Сложнее всего, думаю, было отказаться от позиции судьи и попытаться понять, понять в том смысле, о котором писал К. Гирц [Geertz 1973], – с точки зрения ценностей и представлений самого общества. И здесь оказалось, что как раз близость к советскому иллюзорна, настоящего глубокого понимания нет, а значит страх забвения обоснован.

Страх перед «стигматизацией» советского прошлого с непереносимостью «поверхностного» взгляда, с потребностью признать «реальность» со всей своей болезненностью выразился в стигме «человек-совок», с которой, как мне кажется, и боролась Н.Н. Козлова [Козлова 2005, с. 475]: «Я ощущаю потребность взглянуть на свершившееся по-иному, более “позитивно”». Мне видится эта обеспокоенность в том смысле, в котором об этом писал Ф. Анкерсмит:

Прошлое является такой же частью их самих, как наши конечности являются частями наших тел – и забвение прошлого станет чем-то вроде интеллектуальной ампутации [Анкерсмит 2007, с. 14].

Тексты Н.Н. Козловой можно прочитать, с одной стороны, как протест против забвения, с другой – как способ найти приемлемое объяснение свершенному советскому обществу. В этом смысле ее научный дискурс можно поставить в ряд с документальной прозой Светланы Алексиевич. Документальность – существенная черта текстов Н.Н. Козловой, она позволяла цитате из источника говорить больше, или даже противоречить ее собственному комментарию. Те фрагменты из дневников и воспоминаний советских граждан, которые подбирала и помещала в текст Н.Н. Козлова, читаются как вставки из иной реальности, т. е. ценность их не только в том, чтобы служить канве объяснения и иллюстрировать утверждение ученого, они ценны сами по себе, а слова ученого представляют параллельную осторожную интерпретацию. То есть голос исследуемого эго-документа, за которым скрывается человек, предстает загадочным явлением, которое пытается объяснить исследователь, накладывая на него свои теоретические схемы и представления.

Такое отношение к цитате позволяет читателю сделать свой собственный вывод об убедительности.

Наследие Н.Н. Козловой также может быть описано и представлено как сказанное адвокатом перед судом ученого-обществоведа, как написанное в тактике оправдания, из стремления «отклеить» от человека, жившего и выживавшего в СССР, ярлык «совок», который скрывал под собой множество негативных коннотаций: безликий, безвольный, ведомый, ограниченный, представитель массы.

Этот вопрос связан с осознанием конца советского и глобальным этическим и политическим метавопросом: как все случившееся, советское, тоталитарное, стало возможным? Как объяснить и принять столь травматичное? Н.Н. Козлова искала объяснения с помощью понятий: «масса», «массовое сознание», «массовая культура» и неведомый «человек-тоталитарий», а вопрос задавала с помощью понятия «ментальность»⁴. Позже Н.Н. Козлова отказалась от этих понятий. Тоталитаризм и масса как символ пассивности – безличности (бессубъектности), ведомости и несознательности – становятся для нее отправной полемической точкой, точкой отсчета несогласия. Несогласие это было принципиальным и отнюдь не только инструментальным; как я попробую показать ниже, оно было в том числе ценностным. Одна из ее любимых и часто повторяемых цитат [Козлова 2005, с. 474] – фраза А. Платонова, что это ведь только сверху кажется – внизу масса, а тут – отдельные люди живут.

Но несмотря на неприятие тоталитарных концепций в ракурсе осмысления и объяснения травматичного прошлого, у Н.Н. Козловой можно отыскать параллели с Ханной Аренд и ее теорией об истоках тоталитаризма [Арендт 1996, с. 414–415], строящейся на концепте «массы» и «массовой культуры». Обе оглядывались на прошлое в ситуации конца и рубежа в мучительных поисках ответов. Но в отличие от Х. Арендт, философа политического, Н.Н. Козлова искала ответы в социальном измерении, политика как государственная сила оказывалась вне ее внимания, как погодные условия, неизбежные, но и неуправляемые, в которых просто приходилось выживать советскому человеку. Сфера власти в советском обществе у Н.Н. Козловой получилась источником «правил игры», но ее интересовало именно то, как советские люди приспосабливались, т. е. тактика и стратегия поведения в предлагаемых обстоятельствах.

---

⁴Тема кандидатской диссертации была: «Критика концепции массовой культуры М. Маклюэна», которую Н.Н. Козлова защитила в 1976 г.; а вот докторская диссертация была посвящена «Повседневности и социальному изменению» (1992) (см.: *Козлова Н.Н. Социализм и сознание масс: Социально-философские проблемы*. М.: Наука, 1989. 158 с.).

Избегая позиции судьи от науки, вместо того чтобы оценивать, Н.Н. Козлова скорее пыталась оправдывать, т. е. искать объяснения. Она работала с документами поколения, рожденного в советской «раскулаченной» деревне, воспитанного в советских институциях, пережившего испытание войной, голодом, террором и т. д. Она как бы напоминала, что «послесоветский» человек, оценивая прошлое, очень легко забывал, что других, отличных от навязываемого государством, конкурентных описаний мира у советского человека могло и не быть. А даже если и были, то они были бессильны и проигрывали перед идеологическим могуществом государственной пропаганды и угрозой насилия. В этом смысле обращение Н.Н. Козловой к действиям, объяснительным стратегиям и мотивациям «маленького человека» обещало получить приемлемые объяснения, что же такое это «общество массы» XX в. Поиски ответа на эти вопросы заставляли задавать и еще один вопрос: неужели это мы сами и есть «винтики»? «Воля к норме не равна аморализму» [Козлова 2001, с. 141], – писала Н.Н. Козлова, отстаивая память о своих героях, и тут же сравнивала их действия с поведением мелких водных организмов, в совершенстве владеющих тактиками мимикрии, или с листьями травы [Козлова 2005, с. 177].

Н.Н. Козлова заняла такую позицию по отношению к объекту своего изучения – советскому человеку и обществу, которая выразилась в оправдательной стратегии описания советского человека. Символически она защищала «маленького человека» от большой истории, человека-массу – от великих социологических сил и процессов, информанта как объекта исследования – от беспощадного взгляда ученого как субъекта власти, деревенского жителя – от снобизма горожанина, неграмотного и необразованного – от насмешек грамотного и образованного. Отстаивая советскую повседневность (повседневные практики и опыт) как достойный объект социологического изучения и даже обозначая появление социологии повседневности как смену познавательной парадигмы, Н.Н. Козлова писала в 1992 г.:

Тот, кто занимается повседневностью теоретически, исходя из восприятия повседневной жизни человека как ценности, никогда не будет приравнивать теорию к реальности, патерналистски относиться к чужой или своей собственной повседневности. Он живет в мире, где нет пригодной для всех истины, «последней и завершающей». Для него немислима ситуация разделения мира на «мы» и «они», где «мы» всегда правы, а «они» нет. Ему чужда точка зрения мудрых и всепроникающих «мы», судящих историю с безопасного исторического расстояния... [Козлова 1992, с. 48–56].

Я привела этот отрывок полностью, так как он ярко и откровенно постулирует новый способ легитимации обществоведа, который, по крайней мере эксплицитно, не желает быть фигурой властвующей. Н.Н. Козлова сформулировала в этом высказывании притязание социологии на то, чтобы стать «наукой с человеческим лицом». Именно такая позиция была положена в основу методологических споров о качественных и количественных исследованиях как о жестких и мягких, ставкой в которых оказывалась объективность как научная ценность [Козлова, Смирнова 1995]. Н.Н. Козлова использовала аргумент этического характера и пересматривала представление об «объективности» через новое отношение к голосу источника, отстаивала обращение к «человеческому документу» как к источнику не менее ценному, чем статистика.

Когда в 1990-х гг. Н.Н. Козлова вступала в полемику с коллегами социологами по поводу правомерности обращения к частному опыту советского человека, когда она отстаивала качественные методы исследования, за этим стояла ее политическая и этическая убежденность в необходимости дойти до «человека-массы». Н.Н. Козлова полагала необходимым, во-первых, разрушить иллюзию того, что о «простом» советском человеке все известно, во-вторых, что именно такие источники смогут объяснить, почему и как сложилось советское тоталитарное общество, в-третьих, считала необходимым сохранить память и попробовать написать максимально честную историю о незаслуженно презираемом и одновременно воспеваемом советском человеке.

Постоянная рефлексивная обеспокоенность

Осознание своей собственной дискурсивной позиции, определяющей способ видения, направляющей исследовательское внимание на задаваемые вопросы, требует от исследователя постоянных размышлений. Это особенно важно в работе с эго-документом ввиду того, что непосредственным объектом изучения становятся внутренний мир, мысли, мотивации и действия конкретного человека. Микроисследование конкретного индивидуального опыта в поисках подтверждений или опровержений общих представлений заставляет исследователя осторожнее относиться к своему собственному языку. Этот конфликт, напряжение между «голосом источника» и генерализирующим дискурсом ученого стал предметом размышлений Н.Н. Козловой. И здесь методология переплеталась с этикой. Н.Н. Козлова постоянно напоминала себе и своему читателю, что взгляд ученого – всегда взгляд сверху [Козлова 2005].

Но эта позиция силы может оказаться проигрышной, в том смысле, что, уверовав в свое объективное знание, легко не поверить или не заметить то, что мог бы сообщить источник при занятии более скромной позиции. Для Козловой это означало, что нужно постоянно учитывать условия и причины своего собственного говорения. Я обозначила такой способ решения этой проблемы как постоянную рефлексивную обеспокоенность.

Н.Н. Козлова, читая «народные» дневники и мемуары и в некотором смысле продолжая интеллигентский дискурс обращения к «народному», прежде чем позволить себе подвергнуть текст некоего «простого» человека аналитическому препарированию, часто останавливалась, чтобы описать свой взгляд как взгляд ученого – представителя «высокой культуры». Это требовало постоянного самоконтроля (по аналогии с психологом, нуждающимся в своем собственном психологе). То есть вопросы, направленные на объект изучения – массовая/народная/советская культура, предваряли вопросы к своей собственной культуре, которая, как обнаруживала Н.Н. Козлова, нередко оказывалась снобистской и неэтичной. Эта позиция содержится в суждениях Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской о феномене наивного письма. Исследовательницам убедительнее и интереснее удалось высказаться о нормирующей письменной культуре [Козлова, Сандомирская 1996], о письме как практике дисциплинирующей, чем представить «народное» или традиционное сознание, хотя, конечно, и эта часть работы представляет огромный интерес. К примеру, описанный ими «феномен редактора» показал, что человек за пределами культурного письма ускользает из поля зрения, требует переводчика, воспринимается как иной: за пределами культурного письма как за пределами социальности.

Четкое проговаривание Н.Н. Козловой своей позиции помогает обосновать выбор теоретического инструментария. Например, показателен выбор исследовательницей понятия «актор». Полагаю, что ей казалось оно компромиссом между «субъектом» – активным деятелем, наделенным разумом и волей, и человеком массовым, колыхаемыми безвольными песчинками, которыми управляют разные структуры. Актор – это еще деятель и игрок. Героя-актера (игрока) она выбирала осознанно, объясняя свой выбор тем, что «человек-масса», конечно же, не субъект, т. е. полномостный хозяин своей жизни, но и не марионетка. «Социальный агент – не кукла на веревочках структуры» [Козлова 1994, с. 113]. Это позволило ей наделить советского человека долей субъективности и воли. Игра – удачная метафора для объяснения правил общезития, и Н.Н. Козлова с удовольствием ею пользовалась. Советский

человек действовал, но в рамках не им заданных правил игры, он выбирал, но из ограниченного количества опций. Об одном из своих героев она писала: «...овладевая истинами Краткого курса, не только получал социальное одобрение, он спасался от гибели, убегал от смерти». Кто-то играл охотно, кто-то не очень, проигрывал, мимикрировал, «участвовал и отклонялся» [Козлова 1994, с. 115]. Н.Н. Козлова пыталась подбирать такие понятия, которые позволяли бы описывать советских людей как создателей советского общества.

Я называю постоянную необходимость задавать себе вопрос о границах и пределах своего видения методологической обеспокоенностью. Приведу такой пример: астроном-любитель, наблюдающий звезды в телескоп, прекрасно осознает, что лучи, которые, как видится, испускает звезда, возникают из-за особенностей конструкции телескопа, из-за крестообразного основания, на которое крепится линза. Наше видение, таким образом, оказывается зависимым от сочетания инструмента наблюдения и эффектов реальности (возможно, уже погасшей звезды). В этой логике знание об объекте неразрывно сплетено со знанием о строении глаза или прибора, заменившего человеческий глаз. Условием работы с «человеческим документом» должно быть формирование острой критической рефлексивной позиции, требующей постоянной оглядки исследователя на свою собственную культуру, а также описания, проговаривания условий своего видения, способа говорения и письма, признания своей позиции как этической и политической.

*«Позволить объекту сопротивляться»:
эмпирическая установка*

При встрече с человеческим документом, с точки зрения социолога – информантом, где человек пишет сам за себя, чей рассказ не создан для того, чтобы соответствовать теоретической схеме социолога, что делать исследователю общества? Как относиться к такому источнику, который сопротивляется (должен сопротивляться) любой объяснительной социологической теории, изначально заданным представлениям и понятиям социолога? Будет ли теоретик просеивать через сито своей теории/модели эмпирические данные или искать и отбирать только те данные, которые могут хорошо проиллюстрировать эту теорию? Или теория играет роль посредника, поставщика языка, с помощью которого можно попытаться прочитать, понять и описать уже рассказанное человеком о себе? Именно эти вопросы задавала себе Н.Н. Козлова в своих текстах-

отчетах о работе с «человеческим документом» и определяла свою работу как «переописывание». Ее источники: дневники или воспоминания – это тоже рассказы наблюдателей, она их называет «подопытные наблюдатели». Получается такое двойное наблюдение – художник, рисующий художника, рисующего автопортрет, или фотограф, фотографирующий человека, фотографирующего себя или смотрящегося в зеркало.

Н.Н. Козлова много и часто писала о «зазоре между реальностью практики и абстрактностью теоретического дискурса»:

Рассказ историка или социолога оказывается главным и единственным. Голос «исследуемых» рассказчиков присутствует лишь в качестве следа. Этот голос лишь иллюстрирует рассказ, как бы исходящий из одной точки. Складывается впечатление, что на сложнейшую историческую ткань накладывается схема (неважно, грубая или тонкая) [Козлова 2001, с. 144].

Несмотря на особенное неудобство такого требования для социолога, нужно было научиться принимать во внимание «единичное» и субъективное, слышать и признавать «голос реальности» и, хотя бы в качестве эксперимента, на время относиться к словам «информанта» с доверием, т. е. по сути быть немного этнологом, описывающим то, что люди сами о себе думают и рассказывают. Если обращаться к эго-документу не за иллюстрацией и красочной деталью, уже сформированной заранее идеи или концепции, а с установкой на наблюдение, то методом оказывается самоограничение в некотором смысле этнографического характера: наблюдать и не вмешиваться, «дать тексту просто быть» [Козлова 2001, с. 145] на одном из этапов исследования. Другой этап работы – скрупулезно и дотошно учитывать: почему я, как исследователь, заметил именно это? Как устроен мой взгляд и почему я задаю именно такой вопрос?

Здесь, как мне кажется, можно выделить две установки Н.Н. Козловой: во-первых, доверие опыту иного, позволение тексту-источнику сопротивляться абстрактным теориям и концептам языка ученого; во-вторых, эмпирическая проверка абстрактных терминов и понятий, поиск приемлемого соответствия между теоретическим языком и противящимся ему рассказом информанта.

В книге «Возвышенный исторический опыт» Ф. Анкерсмит [Анкерсмит 2007, с. 20] трактует интерес к ментальности, переросший в историю повседневности как «возрождение опыта», как «история опыта». Отсюда его философские размышления приводят к необходимости признания субъекта этого опыта; опыт требует

субъекта, что противостоит (пост)структурализму. Эта проблема становится одной из ключевых для Н.Н. Козловой. Понятие «актор» (игрок) она отстаивает как компромиссное между субъектом и «человеком-массой», песчинкой, марионеткой культуры или социальных сил. Актер не изобретает и не устанавливает правила игры, поэтому он не может быть субъектом. Но он может играть «посвоему», изобретая тактики или стратегии, которые могут влиять на результат игры, т. е. на общество. Н.Н. Козлова, на мой взгляд, таким образом методологически пыталась дать человеку из массы право на существование, в том числе в тексте социолога. Еще один способ сказать, что человек «делает», определяет культуру, а не культура человека, выразился в ее известном определении – «непреднамеренное социальное изобретение». «Эти люди, как правило, проигрывают. Они играют по правилам не ими установленным, но оказывают влияние на результаты игры» [Козлова 2001, с. 146].

Я попробую проинтерпретировать рефлексивную и теоретическую позицию Н.Н. Козловой с помощью текстов Б. Латюра. На мой взгляд, метод Н.Н. Козловой мог бы быть ответом на более поздний призыв Б. Латюра дать объекту заговорить, позволить ему сопротивляться: «Следует вернуть актерам способность строить свои собственные теории о том, из чего сделано социальное. Ваша задача уже не в том, чтобы навязать тот или иной порядок, ограничить ряд допустимых сущностей, объяснить актерам, кто они такие, или внести долю рефлексивности в их слепые действия. Говоря словами лозунга АСТ, вы “должны идти за самими актерами”, то есть пытаться понять их зачастую сумасбродные нововведения, чтобы из них узнать, чем становится в руках актеров коллективное существование, какими способами они делают его общеприемлемым...» [Латюр 2014, с. 25]. Полагаю, что Н.Н. Козлова ставила перед собой сходные цели.

Б. Латюр предложил обществоведам понимание объективности именно как условие «способности» объектов возражать (to object) тому, что о них сказано.

Если обществоведы хотят стать объективными, они должны найти такую редчайшую, ценную, локальную, чудесную ситуацию, в которой сумеют сделать предмет максимально способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить от лица ученых, чьи интересы он не обязан разделять [Латюр 2014, с. 351–353].

Возможно, эго-документы, особенно дневники, могут обладать потенциалом сопротивления исследователю, но будет ли этот потенциал развит, зависит от установки исследователя на поиск возражений или соответствий своей теории.

Тексты Н.Н. Козловой хорошо подходят для размышлений и поиска ответов на вопросы, сформулированные Б. Латуром, когда он формировал критерии хорошего исследования в рамках АСТ [Латур 2014]: какой текст сообщает нам больше, какой текст интереснее: комментирующий текст ученого или высказывание «актера»? Удастся ли исследователю сказать нечто большее, а не просто перевести противоречивый «необъективный» рассказ «информанта» в понятную обществу упрощенную схему?

Выбор такого рода источников, такого способа работы и само построение текстов Н.Н. Козловой позволяет задать вопрос: что ей удавалось прочитать, «вчитать» или объяснить с помощью социальной теории? Почему она много цитировала источник, а иногда и стремилась к его полной публикации, с максимальной аутентичностью («цитировать как написано»), в том виде, в котором они были созданы, вплоть до орфографических ошибок и опечаток? В этом выразилось стремление к симметрии голоса ученого-исследователя и исследуемого человека-объекта, которое стало вариантом решения этой проблемы, возникающей перед любым исследователем-эмпириком.

Генерализируя и обобщая, утверждать ценность частной жизни

Для своих case-studies Н.Н. Козлова подбирала героев-ортодоксов [Козлова 2005], верующих или «покорных» советской власти, бывших крестьян, покинувших деревню не только физически, но и «духовно». На основе их историй она создавала биографические нарративы. Для этой работы исследовательнице очень понадобились понятия габитуса и идентичности. Это дало ей возможность делать обобщения, подразумевая, что переезд из деревни в город означал также и переезд из традиционной культуры в модерн, хоть и советский, но все же модерн [Козлова 2005, с. 55]. Эта выборка позволила ей дальше обобщать, типизировать, местами уточнять или опровергать схему разрушения традиционного сознания модернизационным процессом⁵. Интерпретируя истории бывших

---

⁵Интересно, что Х. Арндт в своих трудах о тоталитарном сознании писала не о сломе традиционной культуры и, как следствие, приходе века массы и тоталитаризма. Она связывала это не с разрушением социальных связей традиционной культуры, а с разрушением тесных групповых связей, но она не обозначала их как традиционные, свойственные именно крестьянскому сознанию.

крестьян, их детей, переехавших в город, Н.Н. Козлова пыталась описывать это изменение как «воплощение процесса распада традиционной общности», как историю несправедливости города к деревне. Тоталитаризм оказывался расплатой за раскрестьянивание [Козлова 1994].

Создавая биографические нарративы, с одной стороны, Н.Н. Козлова их типизировала: в некотором смысле подгоняла частные переживания и мысли конкретного человека под большую теорию разрушения традиционного сознания как разрушения деревни. Она создавала с помощью рассказов о себе условного Владимира Ильича, крестьянского сына, некий типичный образ человека модернизированного (в смысле процесса перехода), приобретшего новую идентичность путем отстранения от старого, т. е. деревенского. Под ее пером такая биография претендует быть легко переводимой в большую теорию модернизации. С другой стороны, она пыталась найти черты крестьянского габитуса или продемонстрировать изменение габитуса. Например, овладение и участие в новых риторических играх пишущих дневники советских людей, т. е. воспроизводство в своем дневнике языка «Краткого курса истории ВКП(б)», трактовалось ею как новая языковая практика, служащая тактикой взаимодействия с властью и приводящая к смене габитуса [Козлова 2005, с. 70–73, 280].

Контекстом модернизации Козлова пользовалась скорее дедуктивно. Через теорию модернизации исследовательница описывала процесс становления городского грамотного человека. Советское общество обозначалось ею как провинциальная модернизация, просвещение третьей волны. Это достаточно распространенная точка зрения и способ описания случившегося советского общества. Но при этом модернизация поверялась опытом повседневности советского человека, делалась попытка ответить на вопрос, чем стало просвещение для бывшего деревенского жителя, который вел до этого традиционный образ жизни.

Внимание Н.Н. Козловой было направлено на реконструкцию частного мира, воспроизведение «культурной и когнитивной карты советского человека», наличие, отражение или отсутствие в ней идеологем. Если проследить и выделить вопросы, которые она адресовала своим документам и, например, дневниковым записям Владимира Ильича [Козлова 1994, 2005], можно обнаружить сходство с микроисторическим подходом, нацеленным на частное. Особенно продуктивными оказались вопросы о культурном горизонте и горизонте желаний: какие книги читал? Читал ли газеты? Читал ли Маркса и Ленина? Как читал? Какие впечатления от встречи с новым городским, с техникой и транспортом? Такие вопросы поз-

волили ей соединять опыт, который мог быть общим для той или иной группы людей. Например, она выделяла и прослеживала круг прецедентных текстов, определивших читательский опыт целого поколения людей («Краткий курс истории ВКП(б)» и др.).

Междисциплинарная открытость и плюрализм

Методологические основания, которых придерживалась Н.Н. Козлова при изучении архивов советских людей, ее постоянную рефлексию по отношению к тому, как должна строиться речь исследователя, комментирующего эго-документ, я рассматриваю как отражение тенденций и ценностей гуманитарного знания, актуальных для современного исследователя. В 1990-е гг. исследовательница активно прорабатывала и пробовала применять на отечественном материале теоретический инструментарий, разработанный западными исследователями. Она использовала труды социологов, антропологов, философов: П. Бурдьё, М. де Серто, Н. Элиаса, Э. Гидденса, К. Леви-Стросса, М. Фуко и др. Наиболее активно применяла понятия габитуса (Бурдьё и Элиас), стратегии и тактики (Бурдьё и де Серто), практики, идентичности (Гидденс) и др. Логично предположить, что должна была возникнуть проблема «перевода». Можно ли их без учета контекста практиковать и заимствовать – этими вопросами задавалась и сама Н.Н. Козлова. В соавторстве с Н.М. Смирновой Н.Н. Козлова [Козлова, Смирнова 1995] написала об этой познавательной ситуации в 1995 г. Авторы рассуждали о проблеме культурного переноса/перевода теорий и понятий, вводя проблему заимствования в контекст кризиса «классических методологий», тем самым описывали российский как часть общеевропейского.

А потому вопрос о том, какое отношение имеет к нашей ситуации то, что сказано на Западе и о Западе, вполне правомерен. Чем обусловлена применимость понятий западных социальных и гуманитарных наук на нашей почве? Как осуществляется диалог культур в области методологии? [Козлова, Смирнова 1995, с. 12].

В цитируемой статье авторы характеризовали кризис классических методологий как ключевую проблему социологического знания. В этой статье ситуация в российской науке вписывалась в общемировые тенденции. Речь шла об активном освоении западных теорий и концепций, их «операционализации», возможности испытывать их на своем материале. Мое предположение в том, что обилие этих концептов и относительная единовременность освое-

ния повлияли на плюралистичность позиции: одну и ту же «историю» Н.Н. Козлова интерпретировала с помощью разных понятий и соответственно представляла читателю ряд разных объяснений, не стремясь особо доказывать, какое из них верно. Приходило осознание того, что нет универсального ключа к истине, есть разные подходы, которые помогают создавать разные версии реальности.

Наиболее показательно это выразилось в книге «Я так хочу назвать кино» [Козлова, Сандомирская 1996], в которой «наивное письмо» полуграмотной женщины, описавшей свою жизнь как сценарий к фильму, исследовательницы интерпретировали с разных позиций. Каждая глава представляла собой один из способов прочесть и «переописать» текст силами двух исследователей разного профиля, а значит, владеющих разными инструментами: лингвиста И.И. Сандомирской и Н.Н. Козловой, исследователя повседневности. В прямом смысле удвоение сил представителей разных дисциплин создало невероятный эффект многомерности. Междисциплинарность получилась плюралистичной и наполненной терпимостью к разным теориям, даже самым радикальным. Для авторов было важным продемонстрировать, как возможно создание многомерного описания изучаемого материала. Многовариантность анализа, открытость к различным теориям, готовность создавать разные независимые друг от друга интерпретации и поддерживать конкурентное напряжение внутри текста (в том числе и представлять версию источника) – черта текстов Н.Н. Козловой. Ее тексты строятся, как множественный комментарий к «голосу» источника. Н.Н. Козлова много цитировала источник и признавалась в «тяге к маленькой подробности».

Заключение

Обращение к наследию Н.Н. Козловой позволило мне вновь поставить вопрос о соотношении опыта и теоретической схемы в повседневной работе исследователя, в работе с эмпирическими данными, с источником. Эта проблема, как мне видится, была основной в методологических поисках Н.Н. Козловой, в постоянном трепетном определении и переопределении своей исследовательской позиции, как места, из которого исследователь имеет право говорить. Примеряет ли исследователь теорию к эмпирическим данным или данные к теории? Встреча с «реальностью», «голоса реальности», если дать им заговорить, так или иначе сопротивляются социальной теории. Н.Н. Козлова превратила этот вопрос примирения опыта с теорией в вопрос не только методологический,

но этический, а порой и политический. Политический потому, что теория подчиняет материал, способна превращать его в иллюстрацию, выискивать и отбирать только то, что соответствует теории и предзнанию. И здесь многое зависит от позиции исследователя, который, осознанно или нет, выбирает границы допустимого обращения с источником. Обращение к эго-документу накладывает на эти ограничения свою специфику. Избежать выбора не получится, исследователь всегда властитель своего объекта, даже когда он его просто описывает.

Чем больше баланс власти складывается в пользу пишущего, тем больше склонен он представлять свою точку зрения как объективную. (Здесь, замечу в скобках, прекрасно ощущаешь сродство позиции теоретика и позиции человека во власти.) [Козлова 2005, с. 278].

Н.Н. Козлова постоянно напоминала себе и читателям, что общество состоит из людей, большинству из которых не понравится быть переописанными, они хотят, чтобы их принимали такими, как они видят себя сами.

В первых своих исследованиях Н.Н. Козлова работала с понятиями «ментальность», «массовое сознание», от которых позже отказалась и подвергла критике, стала практиковать создание биографических нарративов, использовала приемы микроистории и истории повседневности. Но метод ее работы с повседневностью претендовал на то, чтобы быть именно социологией повседневности, несмотря на то что всеми своими текстами она пыталась утверждать ценность любой человеческой жизни, описывала оставших дневники и воспоминания советских людей как типичных, образцовых представителей советского общества. Чтение эго-документов советских людей позволяло Н.Н. Козловой делать обобщения о совместном опыте общежития, общих практиках, тактиках выживания и приспособления. Пренебрежительное прозвище «совок» как символ человека тоталитарного, «человека-массы», заменялось понятием актора, который в ее текстах часто оказывался создателем советского общества. Изучая конкретный материал – след чужой культуры и жизни, Н.Н. Козлова стала говорить о границе своего видения, о своем габитусе и своей собственной культуре, которые определяли чтение и интерпретацию ее материала. Возможно, именно тип материала – эго-документ – развернул исследовательницу к самой себе. Обратной стороной знания оказалось самопознание. Это открытие ограниченности своего взгляда дает возможность ученому усвоить представление об объективности как о выработке знания о собственном видении.

Мне показались занимательными параллели между позицией Н.Н. Козловой и тем, к чему призывает гуманист Б. Латур: дать объекту сопротивляться. Н.Н. Козлова если и не позволяла, то признавала способность своего материала сопротивляться, не соглашаться, существовать параллельно научному дискурсу. Она особенно чувствовала это несоответствие при работе с документом представителей традиционной или устной культуры. Предоставив «голосам» из хора право высказаться за себя в тексте Н.Н. Козловой, скрупулезно описывала границы и основания своего видения. Затем исследовательница приступала к интерпретации и генерализации, предлагала свою версию или версии прочтения, переводила на язык теории и чаще всего вписывала в модернизационную схему все приобретенные в контакте с «реальностью» нюансы и детали.

Эго-документ, если его понимать как след или фиксацию опыта жизни другого человека, неполноценно, поверхностно или фрагментарно, все же позволяет сопережить опыт другого человека. Думаю, именно об этой возможности соприкосновения с прошлым как с иным через ощущения и опыт восприятия писал Ф.Р. Анкерсмит, отстаивая возможность для истории быть опытной наукой, что может быть справедливым для гуманитарного и социального знания в целом.

Внимательно изучив наследие Н.Н. Козловой, ее опыт изучения свидетельств о себе советских людей, а также ставшие следствием этой работы ее рассуждения о методе и позиции исследователя, я выделила ряд методологических принципов, которых было бы полезно придерживаться при изучении такого источника, как эго-документы. В заключение повторю их еще раз: постоянная рефлексивная обеспокоенность культурными основаниями своей теоретической и методологической позиции; оценка дистанции между условиями говорения исследователя и изучаемого объекта; эмпирическая проверка любых теорий и концепций; внимание и уважение к возражающему «голосу» человека любого социального статуса, обостренное внимание именно к тем точкам, где свидетельство противоречит абстрактному дискурсу; внимание к индивидуальной детали без отказа на право делать обобщения и генерализации; плюралистичность позиции, т. е. готовность применять разные теоретические конструкты и способность к междисциплинарной открытости.

Литература

Анкерсмит 2007 – Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.

Арендт 1996 – Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Цетрком, 1996. 672 с.

- Бражникова, Росляков, Логинов 2016 – *Бражникова Я.Г., Росляков А.Б., Логинов А.В.* «Советский человек» по ту сторону «тоталитаризма»: О конференции памяти Н.Н. Козловой (30 марта 2016 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3. С. 149–152.
- Зарецкий 2008 – *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «малых людей»: новые исследования голландских историков // Социальная история. СПб.: Алетей, 2008. С. 329–340.
- История 2014 – История в эго-документах: Исследования и источники / Под ред. Н.В. Суржиковой. Екатеринбург: АсПУр, 2014. 368 с.
- Козлова 1992 – *Козлова Н.Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48–56.
- Козлова 1994 – *Козлова Н.Н.* Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.
- Козлова, Смирнова 1995 – *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 12–22.
- Козлова 2001 – *Козлова Н.Н.* Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 143–152.
- Козлова 2005 – *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. 1996 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингвосоциологического чтения. М.: Гнозис: Рус. феноменол. об-во, 1996. 255 с.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014. 384 с.
- Орлов 2010 – *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторические и социологические аспекты становления. М.: ГУ «Высшая школа экономики», 2010. 317 с.
- Фетисов 2003 – *Фетисов М.* Наталия Козлова: оптимизм памяти // Отечественные записки. М., 2003. № 1 [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/nataliya-kozlova-optimizm-pamyati.html> (дата обращения 28 августа 2019).
- Geertz C. 1973 – *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973.

References

- Ankersmit, F. (2007), *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime historical experience], Европа, Moscow, Russia.
- Arendt, H. (1996), *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism], Tsentrkom, Moscow, Russia.
- Brazhnikova, Ya.G., Roslyakov, Ya.G., and Loginov, A.V. (2016), “‘Soviet man’ beyond the “totalitarianism”. *About the conference of N.N. Kozlova memory* (March 30, 2016)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 149-152.

- Fetisov, M. (2003), "Natalia Kozlova: optimism of memory", *Otechestvennye zapiski*, no 1, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/nataliya-kozlova-optimizm-pamyati.html> (Accessed 28 Aug. 2019).
- Geertz, C. (1973), *The interpretation of cultures*, Basic Books, N.Y., USA.
- Kozlova, N.N. (1992), "The sociology of everyday life: reassessing values", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 47-56.
- Kozlova, N.N. (1994), "Peasant son: biography research experience of biography", *Sociologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 113-123.
- Kozlova, N.N. (2001), "Researcher's position and choice of theoretical language", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 143-152.
- Kozlova, N.N. (2005), *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [The Soviet People. The scenes from history], Evropa, Moscow, Russia.
- Kozlova, N.N. and Smirnova, N.M. (1995), "The crisis of classical methodologies and the contemporary cognitive situation". *Sociologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 12-22.
- Kozlova, N.N., and Sandomirskaya, I.I. (1996), '*Ya tak khochu nazvat' kino*'. *Naivnoe pis'mo: opyt lingvosotsiologicheskogo chteniya* ['Than's what I want to call the movie'. 'Naive writing': a socio-linguistic study], Gnozis, Rus. fenomenol. obshchestvo, Moscow, Russia.
- Latour, B. (2014), *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network Theory], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.
- Orlov, I.B. (2010), *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskie i sotsiologicheskie aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation], GU – Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.
- Smirnova, N.M. (2016), "From the study of mass consciousness to the method of biographical narrative: the experience of reconstructing a creative biography and research program of N.N. Kozlova", *Vestnik RGGU Seria 'Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie'*, no. 2, pp. 9-17.
- Surzhikova, N.V. (ed.) (2014), *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego documents: Research and sources], AsPUr, Ekaterinburg, Russia.
- Zaretskii, Yu.P. (2008), "Testimonials of 'Little People': New research by Dutch historians", *Sotsial'naya istoriya*, pp. 329-340.

Информация об авторе

Narine V. Arutyunyan, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; narine@webdizi.ru

Information about the author

Narine V. Arutyunyan, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square., Moscow, Russia, 125993; narine@webdizi.ru